

УТВЕРЖДАЮ:

Ректор ФГБОУ ВО
«Северо-Осетинский государственный
университет им. К.Л.Хетагурова»

Огояев А.У.

2020 г.

**ОТЗЫВ
ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА**

доктора филологических наук, профессора кафедры русской и зарубежной литературы факультета русской филологии ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л.Хетагурова» Бекоева Владимира Исламовича на диссертацию Таказова Федара Магометовича «Архетипы модели мира в мифо-фольклорной традиции осетин» (289 с.), представленную на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.09 – Фольклористика

Диссертационное исследование Таказова Федара Магометовича «Архетипы модели мира в мифо-фольклорной традиции осетин» посвящено одной из наименее изученных проблем осетинского фольклора – архетипам и архетипическим образам, отражающим мифологическую систему осетин. В связи с этим в работе обосновывается трехчастная структура мифологической модели мира.

Актуальность темы исследования продиктована недостаточной разработанностью изучаемой проблемы в осетинской фольклористике и необходимостью в теоретическом осмыслении основных концептов моделирования мифологической картины мира осетин.

Предметом исследования представленной работы является трехчастная структура модели мира в мифо-фольклорной традиции осетин. Ключевой целью исследования послужило выявление архетипов и архетипических образов модели мира в разных жанровых образованиях осетинского фольклора.

В соответствии с поставленной целью диссертант определил **задачи** исследования: изучить историю генезиса и эволюции мифологии осетин; проанализировать структуру космогонических мифов; установить архетипы и архетипические образы модели мира осетинской мифологии; выявить семиозис нарратива мифологических текстов; рассмотреть отражение трехчастной модели мира в инициационных мифах.

Выбор темы диссертант справедливо обосновывает тем, что при исследовании мифологической картины мира с целью выявления архетипов и архетипических образов и мифологических семантом возникла необходимость освободить ее от внешних заимствований и более поздних мотивировок.

Новизна представленной диссертационной работы заключается в исследовании проблемы генезиса и эволюции мифологических персонажей, образов и мотивов в осетинском фольклоре. Кроме того, инициационные мифы впервые подвергаются исследованию в контексте трехчастной модели мира. Обращает на себя внимание и тот факт, что архетипы и архетипические образы в структуре мифологической модели мира впервые рассмотрены не только в осетинской, но и в контексте северокавказской мифологии. Наряду с этим устоявшиеся интерпретации некоторых мифологем в осетинской фольклористике диссертант рассматривает с новых позиций, аргументированно обосновывая свое видение. Используя теоретические и методологические достижения современной науки, автор впервые в осетинской фольклористике применяет всесторонний семиотический анализ основных образов и мотивов, что, несомненно, в значительной мере определяет **научно-теоретическую значимость** проведенного исследования.

Ф. М. Таказов вводит в научный оборот значительное количество фольклорного материала, ранее остававшегося вне поля зрения исследователей, что, безусловно, не только расширяет доказательную базу авторского видения исследуемой проблемы, но и представляет мифологию осетин в целостном виде.

Практическая значимость представленной диссертационной работы заключается как в возможности использования результатов исследования при разработке вузовских учебников, учебных программ, лекционных курсов и спецсеминаров, так и в процессе дальнейших научных изысканий в области этнографии, мифологии и фольклора осетин.

Степень научной разработанности темы диссертации раскрывается в довольно подробном анализе исследований осетинской мифологии с конца XIX века по настоящее время.

Структура работы обусловлена целью и задачами исследования и состоит из **введения, пяти глав, заключения и списка литературы**.

В соответствии с требованиями, предъявляемыми к диссертационным работам, во **введении** обосновывается актуальность темы, формулируются цель и задачи, определяются объект и предмет исследования, характеризуются теоретические и методологические основы работы, показаны научная новизна и практическая значимость результатов, формулируются основные положения, выносимые на защиту, приводятся сведения об апробации работы, перечень публикаций.

Глава I «Мифо-фольклорные традиции осетин», состоящая из трех параграфов, начинается с обоснования использования терминов «архетип» и «архетипический образ» в области мифологии. В **параграфе 1.1. «Архетип и архетипический образ в мифологии»** автор довольно подробно анализирует теоретический аспект понятия «архетип» в мировой науке. Несмотря на то, что данный параграф выходит за рамки заявленной темы первой главы, в нем автор обосновывает необходимость проведения анализа термина «архетип» определяет роль, которую он играет в осетинской мифологии, что, по мнению автора, является ключом к разгадке многих символов, мотивов и сюжетов. Результаты дальнейших изысканий подтвердили авторскую позицию о необходимости введения данного параграфа в первую главу.

В параграфе 1.2. «Генезис и эволюция мифологии» автор в хронологическом аспекте исследует истоки мифологии осетин. Наиболее древний пласт диссертант возводит к авестийской эпохе, в связи с чем приводит авестийско-осетинские мифологические параллели, справедливо отмечая, что в осетинском фольклоре и этнографии не прослеживается зороастрийского влияния на осетинскую мифологию, и логически возводит эти параллели к дозороастрийскому периоду. Приведенные скифо-осетинские мифологические параллели, которые находят свое отражение в религиозных воззрениях и этнографии осетин, подтверждают убеждение диссертанта в том, что такие совпадения не могут быть объяснены типологическим подходом.

Не вызывает сомнений позиция автора о том, что дальнейший этап генезиса осетинской мифологии связан с влиянием христианства, которое, по его мнению, делится на два периода: 1-ый – византийский (X век); 2-ой – в связи с развитием русско-осетинских отношений (конец XVIII века).

На основе анализа фактического материала диссертант выделил исламский пласт, хронологически отнесенный им к концу XVIII – началу XIX вв. Используя сравнительно-сопоставительный анализ сюжетов и мотивов из различных фольклорных жанров, он раскрыл роль устного народного творчества народов Кавказа в генезисе осетинской мифологии.

Нельзя не согласиться с авторским выводом, основанным на семиотическом анализе мотивов, что, несмотря на христианское, исламское и кавказское влияние, основной пласт в осетинской мифологической системе восходит к древнеиранской и праиндоевропейской традиции.

В параграфе 1.3. «Источники осетинской мифологии» диссертант довольно подробно анализирует различные источники, отразившие мифологические мотивы, начиная с XVII столетия вплоть до наших дней. В то же время материалы исследования автор рассматривает по степени их ценности, что, безусловно, дает возможность ориентироваться в текстах при определении их научной значимости.

В Главе 2 «Архетипы модели мира» выявляются архетипы, отражающие трехчастную структуру модели мира.

В параграфе 2.1. «Сотворение мира» рассматриваются сюжеты, в которых анализируются мотивы, повествующие о сотворении мира. При этом обращает на себя внимание подход Ф.М.Таказова к семиотическому анализу некоторых сюжетов, противоречащих мнению предшествующих исследователей. Например, сюжет проникновения Уастырджи в склеп Дзерассы в нартовских сказаниях осетин профессор Т.А.Гуриев рассматривает с позиций морали. Совершенно в другом аспекте трактуется данный сюжет в рецензируемой работе. Автор рассматривает его как символ творения мира. Доводы, приведенные диссертантом, убедительны, поэтому не оставляют сомнения в верности использованного семиотического метода.

Отстаивая свою точку зрения, Ф.М.Таказов вместе с тем корректен в отношении своих оппонентов. Относясь с уважением к их мнению, диссертант использует для обоснования своей позиции весомые факты и аргументы. Привлекая теоретические разработки зарубежных и российских ученых в области мифологии и семиотики, автор удачно раскрывает символику мотивов, которые ранее не рассматривались в контексте мифологической модели мира.

Так, убедителен взгляд автора на три нартовские рода, которые он возводит к символике трех миров, в отличие от Ж.Дюмезиля и В.И.Абаева, считающих их отражением трехфункционального социального деления нартовского общества.

В параграфе 2.2. «Мировое древо» не менее доказательны и убедительны рассуждения исследователя об архетипах и символах, отражающих мировое древо.

Наибольший интерес, по нашему мнению, в данном параграфе представляет семиотический анализ мотива сооружения скифами кургана из хвороста, а также сюжетов из нартовского эпоса «Как Батраз отомстил нартам за своего отца» и «Смерть Сослана». Археологи, часто обращаясь к

сообщению Геродота о сооружении кургана скифами, выдвигали различные гипотезы о мотивации скифов, однако им не удалось до конца расшифровать данный эпизод. На основе сопоставительного анализа сообщения Геродота, нартовских сказаний и этнографических сведений осетин диссертант, по нашему мнению, убедителен в интерпретации скифского мотива, связывая курган с мировой горой, действия скифов – с творением мира, а меч на вершине кургана – с осью мира.

Не меньший интерес представляет и параграф 2.3. «**Зооморфные маркеры Мировой оси**». Необходимо подчеркнуть, что зооморфные маркеры мировой оси в осетинской мифологии рассматриваются впервые. Кроме того, в данном параграфе особый интерес представляют скифо-осетинские параллели образа орла.

В Главе III «**Архетипические образы трех миров**» подвергаются глубокому научному осмыслению архетипические образы верхнего и нижнего миров (*параграф 3.1.*). В параграфе 3.2. «**Культурный герой как маркер среднего мира**» рассматриваются архетипы культурного героя в различных жанрах осетинского фольклора. В этом разделе неподдельный интерес вызывает тот факт, что исследователь рассматривает культурного героя как маркера среднего мира.

В параграфе 3.3. «**Семиозис зоолатрических мифов**» подвергаются глубокому анализу образы птиц, занимающие в мифо-фольклорной традиции осетин значимое место.

В главе IV «**Архетипические образы в инициационных мифах**» исследуются признаки инициаций, характерные для мифо-фольклорной традиции осетин, выявляются мифы, в которых герой, проходя инициационную практику, отражает архетип модели мира.

Необходимо отметить, что инициационные мифы в осетинской фольклористике рассматриваются впервые. Хотя инициационные мифы имеют более широкое распространение в осетинском фольклоре, но в данном

исследовании семиотическому анализу подвергаются только те, которые связаны с трехчастной структурой модели мира.

В параграфе 4.1. «Мужские инициации» приводятся мифы, в которых инициационную практику проходят нартовские герои. В параграфе 4.2. «Женские инициации» рассматриваются особенности инициационных мифов, в которых в роли иницианта выступает девушка или женщина.

Думается, наибольший интерес представляет параграф 4.3. «Символика облачения в шкуру». Облачение героя в шкуру животного, как известно, широко распространенный мотив в фольклоре и мифологии разных народов, вызывает много споров в науке. К осетинским сюжетам обращались многие известные ученые, но доводы и аргументы диссертанта, по нашему мнению, представляют ся убедительными, научно обоснованными, заслуживающими внимания исследователей фольклора.

В главе V «Семиозис эсхатологических мифов» исследуются эсхатологические представления, содержащиеся в мифо-фольклорной традиции осетин. Автор, анализируя степень влияния аврамистических религий на эволюцию эсхатологических представлений осетин, приходит к выводу о том, что эсхатологические мифы сложились под влиянием христианства и ислама. Данное утверждение диссертанта, на наш взгляд, вполне обосновано, научно аргументировано.

В параграфе 5.2. «Концепт неизбежности судьбы как эсхатологический символ» на основе различных жанров осетинского фольклора исследуется мотив неотвратимости судьбы. Рассматривая данную проблему, автор приходит к выводу, что, несмотря на христианское и исламское влияние, значительная часть мотивов сохранила традиционное понимание неизбежности и неотвратимости судьбы, в особенности в тех сюжетах, в которых отражается трехчастная структура модели мира, с чем мы вполне согласны.

В параграфе 5.3. «Эсхатологический мотив в предсказаниях» рассматриваются сюжеты с предсказаниями, отражающими

эсхатологические мотивы. Сюжет рассказов о сбывающихся предсказаниях представляет собой описание эпохи о грядущих бедствиях и выступает основным инвариантным эсхатологическим мотивом.

В Заключении подводятся итоги исследования, делаются выводы, намечаются перспективы дальнейшей разработки рассматриваемых в диссертации проблем.

Необходимо отметить, что рецензируемое диссертационное исследование свидетельствует об оригинальном, нестандартном мышлении диссертанта, позволившим ему найти и проанализировать в фольклорных текстах элементы, оставшиеся вне поля зрения других ученых.

В то же время к содержанию диссертационного исследования могут быть высказаны следующие замечания:

- в параграфе 1.2. «Генезис и эволюция мифологии» приводятся авестийско-осетинские, скифо-осетинские, христианские, исламские, кавказско-осетинские параллели на основе разнообразных примеров, однако, к сожалению, отсутствуют примеры аланско-осетинских параллелей, хотя автор утверждает о начале нового этапа генезиса мифологии осетин с появлением аланс на Северном Кавказе;
- в параграфе 3.1. «Архетипические образы верхнего и нижнего миров» рассматриваются архетипы верхнего и нижнего мира, однако почему-то многие сакральные персонажи верхнего мира не нашли отражения в работе;
- в параграфе 3.2. «Культурный герой как маркер среднего мира» можно было бы расширить перечень культурных героев из сказок, легенд, преданий;
- инициационные мотивы широко распространены не только в нартовском эпосе, но и в народных сказках, однако в мужских инициациях приводятся примеры только из нартовского эпоса, а в женских – только из одной сказки.

Однако вышеотмеченные замечания не умаляют достоинств представленной диссертационной работы. Исследование Ф.М.Таказова является логически выстроенным, целостным, самостоятельным научным

трудом, прошедшим необходимые ступени апробации в статьях из перечня ВАК, монографиях и сборниках научных статей. Автореферат соответствует требованиям ВАК, предъявляемым к соответствующим работам, полностью отражает содержание диссертационного исследования.

Диссертационное исследование Таказова Федара Магометовича «Архетипы модели мира в мифо-фольклорной традиции осетин» по актуальности проблематики, научной новизне, теоретическому уровню и практической значимости полностью соответствует требованиям, установленным в п. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор, Таказов Федар Магометович, несомненно, заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.09 – фольклористика.

Сведения о Бекоеве Владимире Исламовиче

Профессор кафедры русской и зарубежной литературы ФГБУ ВО Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л.Хетагурова, доктор филологических наук, профессор, специальность – 10.01.09 – фольклористика.

B267uy

В.И. Бекоев

Рабочий адрес: 362040, Республика Северная Осетия-Алания, г.
Владикавказ, ул. Васо Абаева, 56. Тел.: 8(918) 828 99 01

05.03.2020

Подпись Бекоева В.И. заверяю:

Ученый секретарь Ученого совета

ФГБУ ВО СОГУ им. К.Л.Хетагурова

Кокаева Ф.А.

Подпись Бекеев В.И., бывший заверяю
Начальник отдела кадров УВОКП СОГУ Мах 9
подпись Л.М. Каргинова
"05" 03 2020 г.